

— О каком соперничестве может идти речь! К чему эти церемонии, — воскликнул настоятель Цзунхуань, поспешно складывая ладони в приветствии. — Да я готов хоть сейчас воздвигнуть алтарь, чтобы молиться на вас круглые сутки!

Он уже более семидесяти лет безучастно созерцал мирскую суету своими мутными старческими глазами, но сегодня растерял всё своё благочестивое величие и выглядел так, точно впервые в жизни узрел настоящее чудо.

— Бессмертный Тайвэй... братец Сяо Си... О, Амитабха!

И винить настоятеля в такой потере лица было трудно. Пусть в миру и поговаривали, будто великие мастера обители Безмерности достигли просветления, равного небесному, в действительности до истинных небожителей им было далеко. Величие девяти небес простым смертным приходилось воображать лишь в силу своей скудной фантазии; те же счастливы, кому удавалось вознестись, никогда не возвращались назад, чтобы поведать о чудесах высшего мира.

Увидеть в мире смертных чистокровного представителя бессмертного племени — да не простого, а того самого священного журавля, что уносил самого Императора к небесным чертогам, — было для Цзунхуаня потрясением невероятной силы.

Старец застыл в оцепенении, не зная, куда деть руки, и наконец не придумал ничего лучше, кроме как схватить колотушку и с неистовой силой забарабанить по деревянной рыбе, беспрестанно бормоча молитвы.

Ещё во Дворце Небесного Предела, когда Хэ Бугуй только собирался спасти ученика, он твёрдо решил воспользоваться своим положением. Монахи обители Безмерности не побегут разносить слухи по свету, а Юй Уцюэ удастся вызволить без лишнего шума — идеальный выход.

Однако при виде того, в какое смятение пришёл его давний знакомый, Хэ Бугуй почувствовал лёгкую неловкость.

Священный журавль приподнял крыло и мягко опустил кончик пера на деревянную рыбу, прекращая стук.

— Цзунхуань, прости. У меня не было иного выбора, кроме как принудить тебя.

— Не говори так, братец Сяо Си, — старец замер и послушно отложил колотушку. — Я давно уже не тот беспомощный уличный сирота, каким был когда-то. Я понимаю, почему ты явился именно ко мне. Ты знал, что на меня можно надавить, потому что доверяешь мне.

Настоятель долго вглядывался в сияющее, царственное оперение журавля и наконец со

вздохом произнёс:

— Но о некоторых вещах нам всё же придётся поговорить начистоту.

Хэ Бугуй не отступил ни на шаг.

— О Юй Уцюэ.

Цзунхуань сложил ладони вместе.

— Он твой ученик, а значит, принадлежит к наследию бессмертных. Обитель Безмерности не имеет права судить его. Я верну его тебе, однако по правилам нашего монастыря я обязан уведомить троих старейшин и двоих блюстителей порядка. Это нерушимый устав. Чтобы объяснить им причины моего решения, я прошу тебя оставить твоё журавлиное перо здесь, в обители.

— Хорошо, — согласился Хэ Бугуй.

— Священные журавли горы Цзиван никогда не являлись смертным, — продолжил настоятель.
— Чтобы твоя личность не раскрылась и не привлекла внимание жадных до чужой силы демонов, я умолчу о твоём истинном происхождении. Что же касается оправданий для внешнего мира, обитель Безмерности сама найдёт, что ответить заклинателям. Об этом можешь не беспокоиться.

Услышав это, Хэ Бугуй наконец успокоился и развеял чары. Белоснежное крыло, лежавшее на деревянной рыбе, вновь приняло очертания тонкой человеческой ладони. Он самолично налил Цзунхуаню чаю и пододвинул пиалу.

— Цзунхуань, я твой должник.

Настоятель принял подношение, сделал глоток и лишь с горечью покачал головой.

— Помнится, в детстве я видел, как старейшина Сюаньцзи оберегал тебя. Теперь ты точно так же защищаешь собственного ученика. Я всё понимаю.

— Вовсе нет, — Хэ Бугуй на мгновение умолк, решаясь на откровенность. — Тебе наверняка известно о связи Юй Уцюэ с Городом Бессмертия. В его теле сокрыт ключ. Я обязан держать мальчишку при себе и лично следить за каждым его шагом. Скажу прямо: даже вашей обители я не могу доверить его жизнь.

— Вот мы и вернулись к тому, с чего начали, — вздохнул Цзунхуань. — Позволь мне дать тебе один совет.

— Говори.

— Молодой господин Юй чист душой, и это прекрасно, — заговорил старец. — Но такие люди подобны чистому листу: на них можно начертать всё что угодно. Сейчас ему повезло оказаться под твоим покровительством, и я не сомневаюсь, что твоя мудрость наставит его на верный путь. Однако оступится ли человек в будущем, зависит лишь от его собственного сердца и тех испытаний, что уготовит ему судьба. Никто не может ручаться за завтрашний день.

Он овладел запретными техниками, хранит в себе ключ от врат, а его происхождение неразрывно связано с Городом Бессмертия. Будем честны: если бы обитель Безмерности применила к нему всю строгость своего закона и лишила его жизни, это решило бы все проблемы раз и навсегда.

— С этим трудно спорить, — согласился Хэ Бугуй.

— И всё же ты вынудил меня отступить от правил, — покачал головой настоятель Цзунхуань. — Поступив так, ты переложил бремя возможной катастрофы на плечи всей Поднебесной. Если случится беда, вина за неё ляжет не только на плечи обители Безмерности, но и на твои собственные. Тебе не избежать расплаты.

— Если этот день настанет, — равнодушно отозвался Хэ Бугуй, — я самолично вырву этот корень бедствия до того, как он успеет прорасти. Что же касается моей вины... Разве глиняные фигурки в формации внутренних демонов уже не остались здесь как залог?

Старый монах лишь глубоко вздохнул:

— Амиабха.

Когда двери внутреннего зала наконец распахнулись, Юй Уцюэ успел изнервничаться так, что его ладони, вцепившиеся в штанины, стали совершенно влажными от пота.

Всё это время он послушно стоял на коленях перед порогом, ожидая возвращения учителя. За его спиной, погружившись в медитацию, монотонно читали сутры монахи-стражники, не спускавшие с пленника бдительных глаз. Будучи просителем, явившимся за искуплением грехов, Юй Уцюэ запрятал подальше свою привычную развязность и напустил на себя самый благонравный и сокрушённый вид, какой только мог изобразить, отчаянно боясь опозорить своего шицзуня.

О чём именно учитель толковал с настоятелем за закрытыми дверями, он не знал, но догадывался, что речь шла о его собственной участи. К тому же, вспомнив о журавлином пере, переданном внутрь перед началом беседы, Юй Уцюэ успел сообразить, к какому средству прибег его шицзунь.

Его гордый учитель никогда не опустился бы до унижительных мольб, да и обитель Безмерности была не из тех мест, где внемлют слезам. Оставалось только одно — надавить. Но как сделать это без применения оружия? Юй Уцюэ видел лишь один возможный путь.

И его догадки подтвердились. Не успел он додумать эту мысль, как из-за дверей донеслось громкое старческое восклицание настоятеля, а следом за ним небесный простор прорезал чистый, звонкий журавлиный крик. Юй Уцюэ застыл в изумлении, и даже погружённые в молитвы монахи разом прервали чтение и удивлённо вскинули головы.

Этот крик не нёс в себе угрозы или ярости. Он прозвучал неожиданно, но на удивление музыкально и нежно. словно отголосок божественной мелодии, он наполнил пространство вокруг ощущением неземной чистоты. В это мгновение перед внутренним взором каждого невольно промелькнули картины Яшмового пруда, кружащихся в танце небесных дев и клубящихся облаков бессмертной обители.

Сбросив оцепенение, Юй Уцюэ окончательно утвердился в своих мыслях: его учитель принял истинное обличье, чтобы заставить настоятеля отступить.

Юй Уцюэ изо всех сил подавлял безумное желание ворваться внутрь и увидеть всё собственными глазами. Он сидел неподвижно, но на душе у него скребли кошки. Чтобы защитить его, Хэ Бугуй пошёл на безумный шаг — раскрыл тайну своей истинной природы постороннему человеку. Если об этом проведуют в миру, последствия окажутся катастрофическими.

Вспомнив, как яростно Бай Инчи запрещал ему спускаться с горы и требовал держать в строжайшей тайне недуги Хэ Бугуя, Юй Уцюэ всё понял. Все смертные жаждут бессмертия, каждый заклинатель мечтает завладеть чудесным сокровищем. Будь Хэ Бугуй в полной силе, с неувредимой душой и телом, он мог бы беззаботно странствовать по свету, не боясь никого. Но его бессмертное тело было надломлено, и именно эта уязвимость внушала наибольший страх.

Поэтому едва двери отворились и в проёме показался край белоснежного одеяния учителя, Юй Уцюэ мигом вскочил на ноги, подлетел к нему и, схватив за рукава, взволнованно спросил:

— Шицзунь, вы в порядке? Всё обошлось?

Хэ Бугуй едва не столкнулся с ним нос к носу. Он мягко высвободил руки и невозмутимо ответил:

— Мы лишь предавались воспоминаниям с настоятелем. Что со мной может случиться?

— Молодой господин Юй, — негромко позвал настоятель Цзунхуань из глубины зала. — У меня есть к тебе несколько слов. Пожалуйста, войди.

Юй Уцюэ вопросительно взглянул на учителя. Тот завёл руки за спину и направился к выходу из монастырского двора:

— Ступай. Будь почтителен с настоятелем. Закончишь — спустимся с горы.

Настоятель не обмолвился ни словом о том, о чём они говорили с Хэ Бугуем. Он лишь официально объявил, что обвинения с Юй Уцюэ сняты и тот волен идти на все четыре стороны. Обитель Безмерности, чьё имя веками внушало трепет всем праведным школам, а также посланники Зала Дисциплины и Башни Воющей Луны, ещё недавно столь спесиво грозившие парню жестокой расправой, — все они разом лишились права голоса перед этим тихим, будничным решением старого монаха. Одно короткое слово настоятеля стёрло все бывшие прегрешения.

— Обитель Безмерности никогда не укрывала и не оправдывала грешников, — ровно заговорил Цзунхуань. — Ты избежал кары лишь потому, что у тебя великий учитель. Мы доверяем Бессмертному Тайвэю, однако не можем слепо верить тебе, молодой господин Юй.

Юй Уцюэ в душе усмехнулся: он так и знал, что за всё придётся платить. Склонившись в почтительном поклоне, он произнёс:

— Если у вас есть какие-либо условия, настоятель, я готов выслушать.

Цзунхуань мягко улыбнулся:

— Ничего невыполнимого. Тебе нужно лишь принести клятву. Иди за мной.

У подножия горы Безмерности

— Шицзунь! — раздался звонкий голос.

Спустя четверть часа Юй Уцюэ, весело насвистывая, бежал по извилистой горной тропе. У самого перепутья он наконец завидел Хэ Бугуя, который неторопливо любовался распутившейся дикой сливой.

Среди заснеженных ветвей горели яркие алые бутоны мэйхуа, выгодно подчёркивая благородную, отрешённую бледность застывшего рядом бессмертного. Заслышав шаги, Хэ Бугуй обернулся:

— Потихе ты. Вечно несёшься сломя голову, того и гляди с ног сшибёшь.

— Хе-хе, — Юй Уцюэ без лишних раздумий потянулся к ветке и с треском обломил самую красивую. — Раз шицзуню так нравится эта слива, нужно просто забрать её с собой. К чему задирать голову? Так ведь и шею застудить недолго.

Рука Хэ Бугуя застыла на полпути:

— Стой, эта слива...

— Юй Уцюэ! Как ты посмел осквернить золотую алмазную сливу нашей обители!

— Немедленно прекрати! Это же священное древо монастыря!

Заметившие святотатство послушники, вооружённые мётлами, с криками бросились в их сторону. Юй Уцюэ задорно высунул кончик языка:

— Что делать будем, учитель?

— Бежим! — выдохнул Хэ Бугуй.

Схватив непутёвого ученика за шиворот, он применил технику перемещения и вихрем устремился вниз по склону. Они остановились только тогда, когда яростные крики погони окончательно затихли вдали. Оказавшись возле того самого валуна, у которого Юй Уцюэ едва не поддался наваждению формации внутренних демонов, Хэ Бугуй, позабыв о приличиях, тяжело опустился прямо на холодный камень, чтобы перевести дух.

Он поманил ученика пальцем:

— А ну-ка, подойди ближе. Повернись ко мне.

— Неужели за такое полагается взбучка? — Юй Уцюэ притворно заворчал, но послушно подставил щёку. — Я ведь ради вас старался, шицзунь! К тому же, бить по лицу неблагородно. Если решите ударить, сделайте это помягче, а то испортите мне всю красоту.

Раздался звонкий щелчок. Хэ Бугуй отвесил ему знатный щелбан, не пожалев сил. От боли у Юй Уцюэ аж слёзы выступили на глазах.

— Надо же, заговорил о красоте, — с издёвкой хмыкнул Хэ Бугуй.

— Ну так я же ваш ученик, — Юй Уцюэ принялся обиженно тереть лоб. — Не могу же я выглядеть дурнушкой.

— И почему же? — полюбопытствовал Хэ Бугуй.

— Раз шицзунь у меня краше всех на свете, то и я должен ему соответствовать! Ой, только не смотрите на меня так, я вовсе не пытаюсь подольститься! Я к тому, что истинный мастер марионеток обязан обладать безупречным вкусом и чувством прекрасного... Эй, шицзунь, постойте! Куда же вы?

Хэ Бугуй стремительно зашагал вперёд, не желая слушать эту болтовню, а Юй Уцюэ семенил следом, продолжая без умолку тараторить. С шумом и спорами они наконец покинули пределы монастырских владений.

Тем временем в глубине леса, на самой границе формации внутренних демонов, из земли поднялись ещё две маленькие глиняные фигурки. Они не стали преследовать путников, но, пустив корни в холодную почву, застыли, оставив на древесной коре глубокие отпечатки имён своих создателей.

Шесть деревьев с клеймом журавля и одно — с символом яшмы теперь росли бок о бок, переплетаясь корнями в нерушимом и странном союзе, запечатавшем их потаённые страхи.

Миновав пограничный каменный столб горы Безмерности, Юй Уцюэ подогнал оставленный ранее экипаж. Хэ Бугуй бросил долгий взгляд назад, на скрытый туманом лес, и негромко спросил:

— О чём ты говорил с Цзунхуанем?

— Настоятель подтвердил, что я чист перед законом, и пообещал, что обитель закроет на всё глаза, — ответил Юй Уцюэ. — Но взамен он потребовал от меня одного обещания.

— Какого же?

— Точно такого же, какое дал ему ты, шицзунь, — Юй Уцюэ тепло улыбнулся и, распахнув дверцу кареты, приглашающим жестом указал внутрь. — Ничего страшного. Устраивайся поудобнее, учитель, а я пока займусь лошадьми.

Перед тем как отпустить его, настоятель рассказал Юй Уцюэ о сути залога в формации внутренних демонов. Рождённые в испытании страхи пустили корни на священной горе Безмерности. Хэ Бугуй добровольно оставил их обители в качестве гарантии того, что его ученик никогда не сойдёт с праведного пути. Если Юй Уцюэ оступится, старейшины смогут уничтожить его душу через этот залог, наказав учителя за неисполнение долга.

Юй Уцюэ схватывал всё на лету. Поняв, к чему клонит старый монах, он без колебаний принёс собственную страшную клятву, запечатав её кровью своего сердца.

«Раз сегодня я получил прощение, то клянусь: если в будущем разразится беда и в ней окажется хоть капля моей вины — неважно, предам ли я сознательно или невольно стану причиной катастрофы, — пускай моё тело обратится в прах, а душа сгинет в бездне. Этой смертью я искуплю долг перед шицзунем, верну свободу обители Безмерности и принесу извинения всей Поднебесной»

— Клятва принесена, — произнёс Юй Уцюэ, отвесив три земных поклона перед тем, как покинуть Внутренний зал. — Надеюсь, настоятель сдержит своё слово и не станет посвящать в это посторонних. И пусть это решение никогда не бросит тень на моего учителя.

Лишь после того как старец кивнул в знак согласия, Юй Уцюэ со спокойной душой ушёл.

«Почему мой внутренний демон принял именно такой облик? — Юй Уцюэ растерянно коснулся груди, лениво понукая лошадей. — В заснеженном лесу остался не тот грозный учитель, что раздаёт затрещины, и не тот окровавленный защитник, готовый принять на себя удар. Там пустил корни слабый, ворчливый, капризный Хэ Бугуй, вечно недовольный едой и хмурающийся по пустякам...»

Посторонним никогда не доводилось видеть бессмертного таким уязвимым. Юй Уцюэ столкнулся с этой его стороной совершенно случайно, но именно этот образ врезался ему в самую память.

Теряясь в догадках, он лениво понукал лошадей, как вдруг мимо его уха с негромким щебетом пронеслась вестница-птица. Она вспорхнула ему на плечо и тихо зачирикала.

— Шицзунь, тут письмо от главы дворца Бая.

— Давай сюда, — отозвался из кареты Хэ Бугуй.

Спустя некоторое время Юй Уцюэ не удержался и спросил:

— Что-то стряслось?

— Брат пишет, что Лин Сы объявился на побережье Восточного моря, — заговорил Хэ Бугуй, и его голос звучал непривычно серьёзно. — Туда стянулись силы двух противоборствующих фракций. Завязалась ожесточённая схватка за пленника, но в разгар боя из глубин хлынуло войско водяных демонов. Они устроили засаду, застав заклинателей врасплох. Лин Сы похищен, множество праведных мужей убито. Демоны ухитрились разом оскорбить и Секту Освобождения из Ада, и наш Дворец Небесного Предела, вбив клин в и без того хрупкие отношения между людьми и нечистью.

— Люди и демоны мирно сосуществовали больше тысячи лет! — изумился Юй Уцюэ. — С чего вдруг вспыхнула эта вражда?

— Очевидно, кто-то умело дёргает за ниточки.

— И куда нам теперь держать путь? Возвращаемся во Дворец Небесного Предела?

— Да, — лениво донеслось из кареты. — Равновесие нарушено, но мгновенной катастрофы не случится. Чтобы остановить хаос, нужно рубить змее голову. Мы направимся напрямик в логово врага, дабы сорвать маску с этого кукловода.

Через два месяца морские течения позволят им беспрепятственно войти в воды Восточного моря. Там они отыщут прибежище Божественной девы и выяснят, какие замыслы лелеет эта таинственная особа.

Юй Уцюэ заметно приободрился:

— Будет исполнено!

Метель то утихала, то разыгрывалась с новой силой, засыпая дорогу пушистыми хлопьями. Когда спустились сумерки, Юй Уцюэ направил экипаж к постоялому двору у обочины.

— Шицзунь, может, заночуем здесь? До Хуайчжоу отсюда рукой подать, места тут оживлённые.

Внутри повозки было тепло, точно весной. Хэ Бугуй вышел наружу, тотчас сунул в руки замёрзшему ученику грелку для рук и набросил ему на плечи тёплое подбитое мехом плащевище. Вдоль дороги на дверях лавок и питейных заведений уже покачивались ярко-алые праздничные фонари, а косяки пестрели новогодними парными надписями.

Хэ Бугуй огляделся и с лёгким удивлением произнёс:

— Надо же... Послезавтра ведь канун Нового года. Домой мы до праздников точно не успеем. Давай наберём гостинцев для твоей бабушки Гуань Ся, пока есть возможность.

— Как пожелаете, учитель, — Юй Уцюэ шмыгнул покрасневшим от мороза носом. — Главное — завтра отправить бабушке весточку, чтобы не волновалась. Раз уж вернуться не получается, то и праздничную лапшу долголетия придётся отложить на потом.

— А почему именно завтра ты должен есть лапшу долголетия? — удивился Хэ Бугуй.

— Вашему ученику завтра исполняется семнадцать.

Хэ Бугуй замер.

Точной даты рождения Юй Уцюэ никто не знал. Известно было лишь то, что он появился на свет суровой снежной зимой, незадолго до Нового года. Похоже, бабушка просто выбрала для него первый попавшийся зимний день, чтобы легче запоминалось, и объявила его днём рождения.

В былые времена, когда день рождения праздновал сам Хэ Бугуй, старейшина Сюаньцзи устраивал такое пиршество, что оно затмевало любые новогодние гулянья. Теперь, когда у него самого появился ученик, негоже было оставлять мальчишку даже без тарелки горячей лапши в такой день.

Немного подумав, Хэ Бугуй решительно развернулся и забрался обратно в карету.

— Едем в город. Найдём лучшее заведение и устроимся с комфортом.

Юй Уцюэ не поверил своим ушам:

— Но как же приказ главы дворца Бая поскорее вернуться? Дорога через город займёт куда больше времени, мы потеряем целый день!

— Пустяки, — безапелляционно отрезал Хэ Бугуй. — Один день погоды не сделает. Завтра погуляем по улицам, отпразднуем твой день рождения как следует, а уж потом отправимся в путь.

<http://bllate.org/book/20165/2223959>